

Александр Гаврилович Морозов

профессор,
доктор физико-математических наук,
президент НПФ «Империя»,
профессор ВолГУ

«КАК! УЖЕ 30?! НЕ ОЖИДАЛ...»

Быстро летит время. Тридцать лет назад родился Университет. Немногим менее двадцати распался Советский Союз – и многое в нашей жизни изменилось. Многое. Но, слава богу, университеты гораздо устойчивей империй и держав. Выпускники первых наборов стали уже более зрелыми людьми, чем обучавшие их в то время преподаватели. Некоторые из них заняли в этой жизни командные высоты и кое-кто уже обзавелся внуками.

Время летит... И те, кто начинал строить Университет, постепенно уходят. Но память о том, что, как и почему они делали для становления Университета, не должна исчезнуть. Поэтому я крайне признателен инициаторам этого выпуска за приглашение принять участие в его создании. Понимаю, что мой вклад в общую мозаику невелик. Но он не должен быть дефектным. Поэтому буду предельно искренен. И не только в описании чисто внутриуниверситетских дел, но и внешнего фона тоже. Ибо излом этого фона почти в середине юбилейного 30-летия тоже сказался на развитии Университета. Буду краток и буду писать отдельными мазками, поскольку я лишь один из большой команды создателей университета – и всю картину мы можем написать только вместе.

© Морозов А.Г., 2010

1. Начало физфака

Как известно, заниматься чистой наукой и немного подрабатывать преподаванием в вузе гораздо приятнее, чем работать штатным преподавателем вуза и в свободное от этой работы время заниматься наукой. Так я и делал до середины 1980 года, работая старшим научным сотрудником лаборатории космической плазмы в СибИЗМИРе СО АН СССР (Сибирский институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн Сибирского отделения АН СССР, г. Иркутск) и занимаясь исследованиями гидродинамических и гравитационных неустойчивостей, астрофизикой, неустойчивостей термоядерной плазмы, при этом читая лекции по некоторым курсам теоретической физики в Иркутском государственном университете.

Однако внешние обстоятельства иногда заставляют довольно круто менять траекторию жизни. Так случилось и со мной. Летом 1980 года мне пришлось делать выбор между предложениями возглавить лабораторию космической плазмы в СибИЗМИРе (предыдущий заведующий лабораторией переезжал в Москву) или перейти на должность старшего преподавателя в открывающемся Волгоградском госуниверситете. Выбран был вто-

рой вариант, хотя на первый взгляд он был явно слабее. Но в нем просматривалась возможность создания своей научной школы, что в академическом НИИ с застывшим штатным расписанием было почти нереально. Это предчувствие меня не обмануло.

К работе в ВолГУ я приступил за две недели до первого звонка в нем. В первые же дни удалось сформировать микроколлектив будущего физфака из старшего лаборанта Алексея Чмутина, лаборанта Игоря Щеглова и к первому звонку – из еще одного – старшего преподавателя Владимира Михайлова, перешедшего к нам из политехнического института. Вчетвером за три недели мы накупили оборудования и поставили первую учебную лабораторию – по механике. Затем уже в ходе первого семестра поставили «под ключ» еще и лаборатории по молекулярной физике и электромагнетизму и начали формировать приборную базу для лабораторий оптики и атомной физики. А учебный процесс по физике весь первый год вели вдвоем с Володией Михайловым.

Здесь надо отдать должное ректору – Максиму Матвеевичу Загоруйко: он давал возможность массированно закупать необходимые приборы и оборудование. А весьма квалифицированную помощь в выборе оборудования мне оказывал Алексей Чмутин. Особенно он «западал» на лазеры. Это порождало и комические ситуации. Как-то испытывая очередной лазер на пробитие 5-копеечной монеты, по размеру эквивалентной нынешнему 5-рублевику, мы закурили. В этот момент в лабораторию вошел некурящий и категорически запрещающий курить в университете ректор и выразил свое крайнее возмущение.

– Что Вы, Максим Матвеевич! – воскликнули мы. – Мы это делаем по работе – визуализируем лазерный луч. Ведь без дыма его не видно.

– А-а-а... – отозвался он. – Ну, тогда можно.

Весь первый учебный год мне пришлось исполнять роль заведующего кафедрой физики и математики, ибо математику и физикам, и математикам преподавали, в основном, внештатники. Штатными математиками в течение всего первого учебного года

были только Вячеслав Безверхов, Ирина Соосновцева и единственный тогда проректор – Валерий Волчков. На второй учебный год в университет было принято достаточное число штатных математиков – и их выделили в отдельную кафедру. Возглавил ее, если мне не изменяет память, Владимир Миклюков. А в качестве главного физика был принят профессор Эрио Колесников из Ростова-на-Дону: не физик, но хороший специалист по теоретической электротехнике. А поскольку ректор разницы между этими специальностями не видел, заведующим кафедрой общей физики был назначен Колесников.

Меня в качестве утешительного приза перевели на должность доцента. Но через полгода решили выделить физико-математический факультет из единственного до того момента в ВолГУ факультета естественных и гуманитарных наук (декан – Ростислав Ковалевский), и меня «бросили» на должность декана физмата. Профессор Колесников был весьма педантичен и обладал довольно неуживчивым характером. Поэтому в университете он продержался недолго и ушел в политехнический институт. Но систему образования на физфаке за счет своей кадровой политики успел несколько деформировать. Хотя и не очень сильно. Ибо в те же годы на будущий физфак постепенно приходили достаточно серьезные молодые специалисты: Анатолий Иванов, Вячеслав Игнатьев, Валерий Яцышен, Борис Сипливый, Юрий Щеткинов, Борис Аникеев, Александр Явор, Алексей Иванченко, Владимир Захарченко и многие другие.

Деканом я проработал около полутора лет. Ближе к концу этого срока тогдашний секретарь университетского партбюро Анатолий Скрипкин сказал мне:

– Ты уже год работаешь деканом, но до сих пор почему-то не в партии. Нехорошо. (Имелось в виду – в КПСС).

Я ответил:

– Считаете нужным принять – принимайте.

Так, в 38-летнем возрасте (как и мой отец), я стал кандидатом в члены КПСС, а через год – ее членом. А в промежутке между этими датами попросился в отставку – уж очень неинтересна работа декана. Да и научкой заниматься было некогда.

2. Наука

Надо сказать, что в начале 80-х ректор университета Максим Загоруйко вел довольно жесткую и правильную политику, принуждая достаточно продвинутых кандидатов наук заниматься подготовкой и защитой докторских диссертаций. Делалось это потому, что в первые годы во всем университете докторов наук было меньше, чем пальцев на руках человека. Обычно он брал соответствующие обещания в письменной форме у принимаемых на работу преподавателей. У меня такого обещания взято не было, но в 1982 году я с удивлением обнаружил, что защита моей докторской запланирована ректором на 1985 год. Понятно, что в условиях плотной учебной загрузки преподавателей эти планы выполнялись, как правило, с заметным опозданием. Но в моем случае – незначительным (апрель 1986 года). И не потому, что стремился выполнить навязанный мне план. Просто так сложилось.

Как раз в науке в 1982-м у меня возникло серьезное продвижение, база для которого сформировалась еще в Иркутске. Там еще в 1973 году, по настоянию Алексея Фридмана (ныне – академика РАН), пришлось заняться гидродинамическими неустойчивостями. Предчувствовалось, что они, наряду с гравитационными, определяют динамику газовых подсистем галактических дисков. В это же время на двугорбость кривых вращения дисков галактик мое внимание обратил Анатолий Засов – тогда доцент, а ныне – профессор ГАИШа (Астрономического института при МГУ). Этот факт намекал на возможность развития в таких системах неустойчивости типа Кельвина – Гельмгольца (она ответственна за возбуждение волн на воде, песчаных дюн и похожих на них облачных структур). Для проверки этой гипотезы я сделал несколько численных экспериментов (путем решения на ЭВМ двумерных уравнений газодинамики). Их результаты показали возбуждение спиральных волн в системах с двугорбыми кривыми вращения. Часть этих расчетов составила последнюю главу моей кандидатской диссертации.

Затем на два года пришлось серьезно отвлечься на токамачную тематику совместно с плазмистами группы Анатолия Михайловского из ИАЭ им. И.В. Курчатова в рам-

ках весьма амбициозного проекта по созданию «демонстрационного» токамака. В таком токамаке выход энергии, генерируемой термоядерной реакцией, должен был быть хоть ненамного больше вкачиваемой в него энергии, идущей на разогрев плазмы. Этот токамак планировалось ввести в рабочее состояние к 1980 году. К сожалению, программа его создания была в конце 1976 года закрыта министром среднего машиностроения (читай – атомной промышленности) Славским с не очень замаскированной ссылкой на мнение Политбюро ЦК КПСС, полагавшего, что стране термоядерная энергетика не нужна в связи с открытием гигантских запасов нефти в Западной Сибири. Концом 1976 года и следует, по-видимому, датировать решение наших властей о «посадке» России на «нефтяную иглу». А «демонстрационный» токамак уже добрый десяток лет никак не достроит на юге Франции международный консорциум с участием России.

По завершении токамачной эпопеи мне удалось аналитически вычислить параметры неустойчивости в модели, в которой спад на двугорбой кривой вращения галактического диска приближенно описывался разрывом скорости. Но через год, построив модель с размазанным «разрывом», я с удивлением обнаружил, что эта неустойчивость имеет совершенно иную природу, нежели неустойчивость Кельвина – Гельмгольца. Тем самым, «на кончике пера» была открыта новая гидродинамическая неустойчивость («центробежная»), коих за всю историю физики было открыто менее десятка. Именно эта неустойчивость, по теперь уже практически общему мнению, и является причиной развития спиральных ветвей в большинстве осесимметричных плоских галактик. Разумеется, по этой тематике был сделан еще ряд работ, в том числе с постановкой наблюдений на самом большом тогда в мире 6-метровом телескопе в Зеленчуке. И, в принципе, по совокупности с работами по гравитационным неустойчивостям, на докторскую диссертацию материала набралось достаточно (токамачная тематика была настолько далека от основной – астрофизической, что ею пришлось пренебречь).

Но в конце 1981-го позвонил Фридман и предложил обсудить с плазмистами ИАЭ

им. И.В. Курчатова возможность экспериментальной проверки моей теории. Возможность количественной проверки в земных условиях теории, в которой перепад скорости вращения газа в 10–15 раз превышает скорость звука, на первый взгляд кажется совершенно неосуществимой. Но только на первый. Физики умеют строить корректные аналоговые модели (в данном случае – модель «мелкой воды»). Группа экспериментаторов из ИАЭ им. И.В. Курчатова, главными из которых были Михаил Невзлин и Евгений Снежкин, после закрытия токамачной тематики занималась моделированием динамики антициклонов в атмосферах планет на установке с вращающейся в чашке «мелкой водой», примерами которых могут служить не только земные антициклоны, но и «большое красное пятно» на Юпитере. В первой же беседе с ними стало ясно, что экспериментировать нам надо будет на установке не с одной плоской чашкой, а с двумя параболическими, вращающимися с разной угловой скоростью.

Теория по величине скорости роста амплитуды возмущений предсказывала появление в газовых дисках галактик различного числа спиральных ветвей в зависимости от двух параметров, аналоги которых легко измерялись и на экспериментальной установке. Эксперименты продемонстрировали возбуждение того же количества спиралей, что и предсказывала теория, и при установленных значениях этих параметров. Результаты экспериментов были опубликованы в основных физических и астрофизических журналах СССР, США и Англии, доложены на конференциях и, кроме того, на семинарах Нобелевского лауреата Виталия Гинзбурга, директора ИАЭ им. И.В. Курчатова, и президента АН СССР Анатолия Александрова и других. И в конечном счете, «навели» в научных кругах должный «блеск» моей диссертации.

Зачем в сборнике, посвященном юбилею университета, я описываю факты личной научной биографии? Если бы они были только таковыми, то им здесь заведомо не место. Но из этих научных тематик вызревали спецкурсы, курсовые и дипломные работы наших студентов, публикации их последующих исследований в российских академических и ведущих

зарубежных научных журналах, немалое количество кандидатских и несколько докторских диссертаций, защищенных ими в институтах РАН. Тем самым, речь идет о научной базе подготовки части кадрового состава физического факультета. А упоминаемых здесь внешних по отношению к университету ученых следует, пожалуй, чтить как отдельных прародителей физфака.

3. Второй круг

Передышка от деканства длилась около полутора лет. За это время удалось вчера не написать докторскую диссертацию. Осенью 1984 года ректор настоял на том, чтобы я стал проректором по учебной работе (расцепив с этого момента должность единственного проректора на две – по учебной работе и по научной). С его стороны – это был нормальный кадровый подход: обкатывать людей, хоть в чем-то себя проявивших, на разных должностях. Явных карьерных намерений у меня не было, но попробовать себя на такой работе я не отказался.

Работа проректором длилась всего 9 месяцев – с ноября 1984 по июль 85-го. Больше я не выдержал, ибо объемы и разнообразие конфликтов интересов между профессорами, заведующими кафедрами, деканами и руководителями учебно-вспомогательных служб показались мне чрезмерными. А уйти от обсуждения и обязанностей «разруливания» этих конфликтов было невозможно. И это при том, что со всеми конфликтующими я поддерживал хорошие отношения. Поэтому в июле 1985 я подал прошение об отставке. Надо сказать, что ректор, получив это прошение, действовал вполне в духе общепринятых тогда (да и всегда) правил, которые сводились к тому, что слабаков и проигравших «дотаптывают». Он потребовал переписать заявление об отставке. И я это сделал. В новом его варианте пришлось написать, что я прошу в отставку, поскольку считаю, что с работой в должности проректора не справился. И ректор «отпустил» меня, но не в рядовые доценты, как я хотел, а на должность декана физфака, объявив это партийным поручением (тогда и произошло разделение физмата на физфак и матфак).

Итак, первый арьергардный бой я проиграл. При расставании он мне намекнул, что если я «буду плохо себя вести», то получу такую характеристику, необходимую для представления в совет по защита диссертаций, что защита моей докторской не состоится. В ответ на это я сделал контрнамек: если такая характеристика появится, то для ее автора это кончится летально. На том и расстались. Были и другие столкновения, ибо ни в каком обществе независимое поведение подчиненных не поощряется. Были и периоды практически полной нормализации отношений.

Бдительности я, однако, в тот момент не потерял. И поехал на защиту докторской в апреле 1986 года, как в отпуск, не сообщив никому, куда и зачем. Разумеется, на следующее после защиты утро я позвонил ректору и сообщил о «сухой» защите. По-видимому, он был несколько потрясен, поскольку, кроме многократного «поздравляю», ничего больше в трубку не сказал. Обычно после защиты докторской в 80-х годах в ВолГУ человеку сразу организовывали кафедру, если ее раньше у него не было. В порядке исключения мне сделали существенную отсрочку выдачи этого «дивиденда». Кафедру я получил лишь летом 1988 года.

4. Школа

Возможно, мне просто повезло в том, что в первом наборе в 1980 году на «Физику» оказались довольно сильные ребята. Или им с моей стороны уделялось весьма много внимания. Но результат оказался приличным. Из этого набора (выпуск 1985 года) по специализации «Теоретическая физика» уже к концу 1989 года четверо стали кандидатами наук (Виктор Леви, Илья Коваленко, Елена и Валентина Михайловы). Чуть позже к ним присоединились Александр Хоперсков (после службы в армии), выпускники следующих наборов (Виктор Мусцевой, Николай Лебедев и ряд других) и начинавшие в ВолГУ свой трудовой путь ассистенты – выпускники других вузов. Часть из них в «нулевые» годы стали докторами наук и заведующими кафедрами.

После моего вынужденного ухода в политику осенью 1991 года связь с ними суще-

ственно ослабла. Но с Хоперсковым мы еще некоторое время сотрудничали, как по научной работе, так и по написанию монографии «Физика дисков». Эту книгу я начал писать сразу после защиты докторской – летом 1986 года, в отпуске, в Крыму, а конкретнее – в Симеизе (туда меня руководство Астросовета АН СССР пыталось сосватать директором Обсерватории, но мы с моей женой Людмилой, слава богу, отказались). С активным участием Саши Хоперскова книга была практически дописана уже к концу 1988 года, и ее приняли к печати в издательстве «Мир», которое в те времена издавало, в основном, переводы зарубежных научных монографий. Но перестройка внесла свои коррективы – издательство потребовало оплатить издание книги. С грехом пополам к концу 1989 года я наскреб необходимые средства со своих хозяйственных договоров и проплатил издание. Но к этому моменту во всей стране наступил полный «бардак», деньги пропали – и книгу не издали. Удовлетворение мы получили только в 2005 году: к 25-летию ВолГУ книга была напечатана университетским издательством. Я выкупил штук 40 и разослал старым друзьям, продолжавшим работать по астрофизической тематике. А потом пришлось докупать еще, чтобы удовлетворить дополнительные запросы.

5. Круг третий

Летом 1988 года мне, наконец, дали возможность организовать кафедру. Назвали мы ее кафедрой теоретической физики и волновых процессов. И организовали заодно специализацию студентов по «Теоретической физике и математическому моделированию». На самом деле эта специализация неявно была организована раньше, как только в результате первых шагов перестройки учебные планы начали терять свою абсолютную жесткость. И первым шагом в этом направлении была организация трехлетнего спецпрактикума по «Вычислительной физике и математическому моделированию». Результатом этого шага стало то, что выпускники физфака, прошедшие этот практикум, становились гораздо более квалифицированными вычислителями, чем выпускники матфака.

В том же 1988 году, в разгар перестройки, начало активизироваться экологическое движение. Особенно активным оно стало в Красноармейском районе – наиболее насыщенном предприятиями химической отрасли. Пришлось вспомнить свой хоздоговорный опыт начала 1970-х по расчетам распространения примесей при распылении их с самолетов сельхозавиации и организовать аналогичные расчеты по распространению примесей из заводских труб. Привлек к этой работе Виктора Леви и Илью Коваленко. Первый моделировал эти процессы прямым (численным) интегрированием уравнений гидродинамики, второй – методом частиц. Наиболее наглядным оказался первый из них. Уже в 1989 году достаточно презентабельные результаты были продемонстрированы тогдашнему руководителю облздора Всеволоду Щучкину (ныне – руководителю Кардиоцентра), и в ответ через некоторое время удалось заключить с ним хоздоговор по этой тематике. Работа серьезно продвинулась, и к 1991 году с помощью областного и городского экологических комитетов нам удалось сделать модели всего Волгограда и всего Волжского, в которых были учтены все паспортизированные к тому времени источники промышленных выбросов.

Эти модели, как стало ясно из практики, не были нужны ни чиновникам, ни промышленникам. Единственный довольно яркий пример их применения состоялся в 1991 году. Тогда в один из дней в Красноармейском районе произошли выбросы фтористого водорода и в ряде точек района были зафиксированы концентрации этого вещества в 15 и более ПДК. Все экологи «грешили» на «Каустик». Мы, восстановив, по просьбе возглавлявшей тогда Горкомприроду Светланы Косенковой, метеоусловия предшествующих суток, сделали ряд расчетов и показали, что не менее 80 % этого «греха» лежит на керамическом заводе, а не на «Каустике». После такого расследования нашу модель уже никто не захотел применять. Почему? – этот вопрос уже не к модели. Неожиданным для меня следствием этой работы стало включение меня в 1994 году в число действительных членов РЭА (Российская экологическая академия), без каких-либо шагов с моей стороны.

6. Местный «политикум» и экспансия Университета. Последний областной Совет

В декабре 1989 года в ВолГУ проходило большое собрание по выдвижению кандидатов в депутаты Совета народных депутатов на первые в России выборы с произвольным числом кандидатов на одно депутатское место (до этого всегда был единственный кандидат на место). Сначала выбирали кандидатов в депутаты на российский уровень. Выдвигали и меня. Но я отказался. Затем объявили перерыв. В перерыве ко мне подошел социолог с кафедры философии Александр Стризов и попенял меня за отказ. В результате короткой беседы я обещал, что отказываться от кандидатства на областной уровень не буду. Так я стал кандидатом в депутаты областного Совета народных депутатов, а в результате второго тура выборов в апреле 1990 года – и депутатом.

Председателем облисполкома практически единогласно был выбран Иван Шабунин, а председателем облсовета – «демократ» Валерий Махарадзе. Последний выиграл выборы с незначительным превосходством у «партократа» Михаила Харитонов (ходила тогда частушка с рефреном: «Выбирали казака – выбрали грузина»). Меня пытались убедить возглавить бюджетную комиссию, но от этого я увильнул, поскольку заведовать кафедрой в университете и возглавлять названную комиссию в облсовете одновременно тогда было нельзя. Но депутатом стал активным. Возможно, проявленная мною взвешенность в обсуждении и решении различных вопросов на сессиях облсовета и в его комиссиях и обусловила мое последующее временное политическое возвышение.

Летом 1990 года Максим Загоруйко предложил мне занять должность проректора по научной работе с сохранением должности заведующего кафедрой. Я согласился, но с небольшой отсрочкой, связанной с необходимостью организации переезда мамы из Новосибирска в Волгоград. В августе 1990 года я приступил к исполнению обязанностей проректора. При этом оставался заведующим кафедрой и вел, хоть и в несколько меньшем объеме, учебную работу (курс теоретической механики, два

спецкурса, дипломники и аспиранты) и научный семинар на кафедре. Как раз организация прикладных исследований в это время в университете начала заметно меняться. Количество заключаемых через НИС университета хозяйственных договоров постепенно уменьшалось, но возникали малые, порой никак не связанные с университетом научные предприятия, перетягивающие такие хозяйственные договоры на себя. Начали поговаривать и о первых грантах, пока еще только от российского Минвуза. Больших успехов, будучи в должности проректора, я не достиг, поскольку значительная часть моих инициатив достаточно эффективно тормозилась ректором. Да и вообще, руководство практически никем не финансируемой наукой в вузе есть, скорее всего, нечто умозрительное.

Между тем жизнь народа в стране ухудшалась. Политическая система государства, основанная на единовластии КПСС, на глазах разлагалась. В союзных республиках расцветали сепаратистские настроения, начинались спровоцированные ими волнения и межэтнические столкновения. СССР как государственное образование быстро терял свою устойчивость. Ключевым моментом развала страны стал трехдневный путч ГКЧП (Государственного комитета по чрезвычайному положению) в августе 1991 года.

Сразу после разгона ГКЧП предоблсовета Махарадзе уехал в Москву. Встал вопрос о новом председателе. На первой после ГКЧП сессии соперничали в получении этой должности от «партократов» – Юрий Котляров и от «демократов» – Анатолий Ющенко. Никто не набирал большинства голосов. После почти полуторамесячной «работы» Шабунина раздельно со мной и частью депутатского корпуса на следующей сессии из триумвирата Котляров – Ющенко – Морозов председателем облсовета выбрали меня. Надо полагать, как компромиссную фигуру.

На следующий день после избрания я уволился из университета, передав кафедру Анатолию Иванову. Как потом стало ясно, полностью увольняться не следовало. Надо было остаться хотя бы на четверть ставки профессором кафедры. Это законом позволялось. Описывать двухлетний период работы председателя облсовета здесь нет смысла. Достаточно сказать, что порой через много

лет после этого периода при случайных встречах мне напоминали о том, что я помог эффективно решить какую-то проблему. И для меня это оказывалось приятной новостью. Ибо в потоке дел многие из них, не потребовавшие для своего решения серьезных усилий, забылись. А люди об этом не забыли.

Но, пожалуй, самым значимым результатом в этот период оказалась экспансия нашего университета. Потеря контроля над процессами в провинции со стороны руководства государства имела и положительные стороны. Стало возможным делать все, что прямо не запрещалось законом. В частности, открывать филиалы вузов. Этим обстоятельством в интересах ВолГУ, фактически независимо друг от друга, воспользовались и ректор университета Максим Загорулько, и я, как предоблсовета. По его инициативе, летом 1992 года был создан Волжский гуманитарный институт. А в начале того же года на меня вышел мэр Камышина Лев Алферов с просьбой помочь организовать Камышинский филиал ВолГУ. Это я сделал, посоветовавшись предварительно с Загорулько, и в сентябре 1992 года в Камышине заработал филиал ВолГУ. Он, однако, оказался недолговечным: через несколько лет ректор «переуступил» его Ивану Новакову – ректору Волгоградского политеха.

На этом история строительства филиалов ВолГУ не закончилась. В середине 1992 года у меня созрело убеждение, что в интересах развития области имеет смысл организовать филиалы ВолГУ в Михайловке и Урюпинске. Ректор отнесся к этой идее без энтузиазма, но и без явного сопротивления. Поэтому ее реализацию пришлось взять на себя. Летом 1992 года я попросил мэра Михайловки Александра Суркова организовать совещание руководителей основных предприятий города, на котором изложил идею организации в их городе филиала ВолГУ. Должен сказать, что отклик этого собрания оказался весьма положительным. И администрация города в лице мэра, и руководители его предприятий обязались взять на себя основную нагрузку по финансированию создания и дальнейшего развития филиала университета. И выполнили свое слово. Реально Михайловский филиал ВолГУ открылся в 1993 году. К сожалению, власти Михайловки реализовали недостаточно амбициозный план развития филиа-

ла – и, с учетом наличия в городе филиала Волгоградского государственного педагогического университета, филиал ВолГУ прекратил свое существование после 15 лет работы.

Успех в Михайловке подвиг меня на попытку аналогичных действий в Урюпинске. Общего разговора с участием руководства предприятий мэром города Юрием Говоровым организовано не было, но детальный разговор непосредственно с ним состоялся. Идея ему понравилась – и он обещал подумать. «Запрыгали» в Урюпинске дольше. Одной из причин этого была и гибель Говорова в автокатастрофе в 1993 году. Но «поехали» они гораздо основательней. Филиал Университета в Урюпинске в 1994 году открывал уже новый мэр – Валерий Сушко. И через 15 лет ни у кого не проявилось и мысли закрывать этот проект. Полагаю, что основная причина – в отношении к нему властей города. Они создали приличную материальную базу проекта, добившись передачи филиалу территории и зданий бывшего военного городка, мотивировали филиал на развитие широкого спектра специальностей, обеспечивают преподавателей жильем и постоянно помогают ему решать все возникающие проблемы.

Разумеется, пост председателя облсовета позволял делать и кое-что еще для волгоградских вузов. Например, законодательно предоставлять им налоговые льготы. Делалось это, как правило, через неформальную законодательную инициативу председателя Совета ректоров Максима Загоруйко. Последняя такая льгота по налогу на имущество организаций (для каждого волгоградского вуза – несколько десятков миллионов рублей в год) «умерла» уже в 2009 году в результате существенного секвестра областного бюджета в условиях глобального экономического кризиса.

7. Первая областная Дума и новая работа

В 1993 году развал экономики страны, обусловленный реформами Правительства России, быстро перерастал в политический кризис. Его разрешение осенью того же года было силовым: в конце сентября указом Президента России Верховный Совет страны был распущен и назначены выборы в первую по-

стсоветскую Государственную думу и референдум по новой Конституции страны на 12 декабря. Одновременно Президент настоятельно рекомендовал губернаторам распустить региональные Советы народных депутатов. Такой подход к ни в чем не повинным регсоветам я позволил себе публично осудить. И... тем самым, поставил «черную метку» на своей политической карьере.

Через три дня была созвана чрезвычайная сессия облсовета, на которой представитель администрации области (имени называть не буду) призвал всех депутатов облсовета прекратить свои полномочия. Позволить себе безропотно подчиниться такому давлению я не мог. Поэтому заявил почти буквально следующее:

– Самороспуск облсовета – это его самоубийство. Самоубийство христиане считают грехом и хоронят самоубийц отдельно от нормальных людей. Поэтому вопрос о нашем самороспуске ставить на голосование не буду. А чтобы не препятствовать вам его решать, подаю в отставку.

Три часа я молча просидел в общих рядах депутатов, слушая их выступления «за» и «против». В результате облсовет проголосовал против самороспуска и мою отставку не принял. В целом по России по результатам таких же сессий не самораспустились 6 или 7 региональных Советов из 89.

Вернувшись в кресло председателя, я поставил вопрос о внеочередных выборах регионального законодательного органа в один день с выборами в Государственную думу и о преобразовании областного Совета в областную Думу. Это предложение депутаты поддержали. И 13 декабря 1993 года 250 депутатов последнего областного Совета передали свои полномочия 32 депутатам Первой областной Думы.

Председателем Первой областной Думы был избран Леонид Семергей (в четвертом туре борьбы с обладателем «черной метки»). Из-за малочисленности Думы решено было образовать лишь три комиссии, и мне предложили возглавить Комиссию по бюджетной и налоговой политике. Это давало возможность продолжить оплачиваемую квазиполитическую карьеру. Но я уже понял, что с моим характером с этим вариантом связываться не

стоит. Поэтому избрал «третий путь»: Комиссию возглавил, но на общественных началах, то есть без получения соответствующей заработной платы. И сразу обратился к ректору Максиму Загорулько с вопросом:

– Могу ли я вернуться в университет?

По закону я не только мог, но и имел право вернуться на покинутые в 1991 году должности проректора по научной работе и заведующего кафедрой. Он это тоже знал, но ответил:

– Только на должность рядового профессора.

По каким причинам я получил такой ответ: внешним по отношению к университету или внутренним, – судить не берусь. Расчет, по-видимому, был на то, что я не соглашусь. Этот расчет оправдался. Указывать ректору на явное нарушение им закона я не стал. И начал подыскивать себе другую работу.

Через короткий промежуток времени молодой бизнесмен Юрий Скороходов и юрист Наталья Лисименко предложили мне возглавить только что зарегистрированный ими Негосударственный пенсионный фонд. Идея мне понравилась – и я согласился при условии, что в число учредителей этого фонда войдут промышленные предприятия области, которые мне удастся привлечь. Они на это условие тоже согласились – и мы ударили по рукам. Поскольку по этому виду деятельности никакой нормативной базы, кроме одностороннего указа Президента, не было, пришлось делать все с нуля и на интуиции, которой с августа того же года и много лет подряд существенно помогал английский специалист мирового уровня в пенсионном деле – Дэвид Каллэнд.

В июле того же года я вместе с Максимом Загорулько переправлялся на пароме через Волгу.

– Чем сейчас занимаешься? – спросил он.

Я рассказал. Не успели доплыть до середины Волги, как он отреагировал:

– Университет будет участвовать.

Так университет стал одним из первых учредителей НПФ «Империя» и создателем первой корпоративной пенсионной программы в нашей области. Уже потом стали подтягиваться в Фонд такие предприятия, как «Каустик», Волжский завод оргсинтеза, «Волгогра-

доблэлектро» и другие. Поэтому никого и не удивляет, что Совет учредителей Фонда вот уже много лет возглавляет нынешний ректор университета Олег Иншаков.

Описанные в двух предыдущих абзацах эпизоды с участием Максима Загорулько, да и не только они, наглядно показывают, насколько нешаблонно его мышление. Практически каждую поставленную жизнью задачу он решал творчески. Разумеется, в рамках установленных действующей властью правил игры. К сожалению, как тесно связанный с властью гуманитарий, он не всегда адекватно воспринимал ход мыслей и действий представителей естественных наук, без особого пиетета относящихся к властям.

8. Возвращение к истокам

Фактическое отлучение от университета, конечно, скребло душу. Несколько лет, увлеченный созданием совершенно нового дела, я не очень об этом задумывался. Тем более что это новое дело носило явно выраженный исследовательский характер, в основном экспериментального типа. В каком-то смысле, этот период для меня оказался похожим на доуниверситетский. Но уже в конце 90-х по договоренности с экономфаком прочел для четверокурсников семестровый спецкурс по системам индивидуальных и корпоративных накопительных пенсионных программ и издал соответствующую брошюру. Года через три на физфаке в рамках курса по «выбору» прочел курс лекций под названием «Модели мира», в котором, на примерах от физики и астрофизики до политических и финансовых систем мира, показал, как строятся научные знания, производственные технологии, властные системы и социальные практики. Затем читал физикам и математикам курсы «Философские проблемы естествознания» и «Безопасность жизнедеятельности». Понимая последний не только как спектр способов предохранения от разного рода опасностей – от природных и техногенных до социальных и криминогенных, но и как включающий в себя умение отличать реальные опасности от мнимых, в том числе специально нагнетаемых в общественном мнении, а также безопасные стили поведения в различных сообществах.

Конечно, все это совсем не физика. Хотя понимание физики и построение адекватных аналогий с ее законами часто помогало строить весьма связное изложение материала курса. Такой подход вызывал заметный интерес у студентов и явно содействовал выработке у них здравого мировоззрения, которое, на мой взгляд, должно формироваться у каждого студента с первых дней его учебы в университете. Возможно, следовало бы попытаться такого рода курсы, пусть в облегченном варианте, читать с первого или второго семестра их учебы. Мои личные воспоминания о первом семестре в Новосибирском университете подтверждают это. Лекции по механике из курса общей физи-

ки читал нам академик Будкер – директор Института ядерной физики СО АН СССР и создатель первого в мире адронного коллайдера (разумеется – маленького). Читал не совсем как механику, а скорее как основы мировоззрения для физиков. До сих пор помню один его тезис: «Предрасположенный к физике молодой человек может изучить основы физики и по Библии». Конечно, такого «учебника» тогда в свободной продаже не было. И мы учили физику по Ландау и Лифшицу. Но результат такого подхода был: более половины из нашего выпуска 1968 года стали докторами наук. Может, и в нашем университете так попробовать? Ведь впереди у Университета – Вечность!